

МАССА КАК СООБЩЕСТВО ИНДИВИДОВ

Социальные науки неоднократно утверждали, что историю творят большие социальные группы – толпы, массы, классы, политические партии, нации. Недостатка в разновидностях нет. Масса стала основной движущей силой социальной динамики в целом ряде философских, социологических и психологических концепций. Социальное движение целесообразно понимать, используя в качестве основного объекта исследования большую социальную группу, но этот фактор оказывается довольно слабо описан и фактически никак не исследован эмпирически.

Классическая традиция исследований массы – скорее описательная, нежели объяснительная, в то время как большой объём фактов по данной тематике требует построений, выходящих за рамки умозрения. Исторически исследования масс не были выдержаны в рамках критериев «строгой науки», что повлияло на место этой предметной области в ряду других.

Существование толпы или некоторой массовидной группы очевидно, но из-за этой очевидности экспериментальные исследования масс оказывались вроде бы излишними. Все поступки, на которые масса, без сомнения, способна (вспомним классический пример – Французскую революцию), объяснялись после результата. И тогда недостатка в конструктах не было. Здесь и «душа народа», и харизма, и менталитет.

Основной недостаток такого подхода состоит в невозможности его операционализации. Даже понятия более проработанные, чем, например, харизма, не могут быть положены в исследование с сохранением смысла. В отношении такого предмета, как масса, произвол исследователя оказывается фактически не ограниченным. Вопрос, возникающий здесь, таков: не является ли поэтому исследование масс областью крайне умозрительной, субъективной и, вследствие этого, бесполезной?

Отправной точкой нашего анализа должно стать не массовое сознание, но массовое поведение. Его проявления слишком очевидны для того, чтобы обойти их вниманием. Однако они, если следовать классическим текстам, совершенно не подлежат объективации с помощью каких-либо методов эмпирического исследования. Классические тексты, в которых шла речь об исследовании масс, примечательны тем, что

* © А.С. Новиков, Красноярский государственный университет, 2006.

умозрительность в них, как правило, берёт верх над экспериментальной составляющей. Тем не менее этот подход закрепился в науке, и обойти его вниманием будет совершенно неоправданно.

Масса интересует нас как основная единица, из которой выводится вся социальная действительность. И, в этом смысле, основная задача исследователя — понять закономерности её устройства и на их основе раскрыть ряд более общих закономерностей бытия и динамики социальной реальности.

Невозможно вывести поведение общности из поведения отдельного человека. Также бесполезной оказывается попытка объяснить образ действий индивида на основе того, как ведёт себя любая группа. Таким образом, целесообразным представляется выделение некоторой единицы, в которой отражаются социальная структура и динамика и на примере которой можно понять законы протекания двух основных процессов в социальной динамике — формирования масс и атомизации общества.

В попытке анализировать быстро меняющийся социум, масса становится для нас одним из основных понятий. Определить его можно так: «...временная совокупность равных, анонимных и схожих между собой людей, в недрах которой эмоции и идеи имеют тенденцию выражаться спонтанно» [16, с.27].

Базовая характеристика, используемая французским исследователем, — предельное равенство индивидов. Единый организующий принцип общества перестал существовать. И социум выглядит как собрание людей с крайне разнообразными индивидуальными историями, помещённых в унифицированный социальный контекст. При этом исторический процесс не замедляется, напротив, мы имеем дело с лавинообразными социальными изменениями. Мы сталкиваемся с существенным методологическим парадоксом: с одной стороны, общество всё более и более индивидуализируется, с другой — становится всё более и более массовым.

В самом деле, мы наблюдаем необыкновенно быстрый рост новых идеологий и не менее быстрый их распад, политические режимы сменяют друг друга с максимальной скоростью, сторонники одних и тех же идей оказываются противниками едва ли не на следующий день. Всё это — симптомы «массовизации». А фоном для них выступают мнения о всё возрастающей роли отдельного человека. Мы имеем дело с социальным движением, основанным на двух противоположных процессах — массовизации и атомизации общества.

Образ массового человека, возникающий в научной литературе, — это, строго говоря, образ конформиста: «Инертность человека — лишь симптом синдрома всего общества, который можно было бы назвать синдромом отчуждения. Поскольку человек инертен, он не вступает ни в какие отношения с окружающим миром, оказываясь вынужденным поклоняться своим идолам и подчиняться своим желаниям. Поэтому он весь во власти страха, он чувствует себя беспомощным и одиноким. Ему чуждо и чувство человеческой интеграции, он не в ладу даже с самим собой. Конформизм кажется ему единственной возможностью побороть свои страхи» [31]

Индивид вынужден стремиться к упорядоченности социальной среды, а масса предлагает человеку просто организованную социальную действительность и, в этом смысле, порядок. Несмотря на то, что традиционно масса считается проявлением свободы, социальная динамика сталкивает нас с парадоксом: там, где большая стихийная социальная группа должна воплощать собой «голос свободы», она становится заранее известным проявлением спонтанной активности, заранее документированным элитой, и, в целом ряде случаев уже известно, как это проявление будет утилизировано в интересах той самой элиты.

Всякий бунт против системы становится частью системы. Так, например, бунт против «традиционного» искусства, который воплощало всякое новое направление в живописи, скульптуре или архитектуре, весьма быстро становится частью всё той же традиции. Содержание опустошается, а знак бунта как новый раздражитель превращается в стиль. Теряется различие между устоявшейся системой норм и тем, что ей противоречит.

Массовый человек является продуктом массового общества. Он в полной мере воспроизводит те доминирующие черты массового сознания, которые присущи большой социальной группе. Основной парадокс массового человека состоит в том, что он, несмотря на всю свою реальную или воображаемую ассоциированность с другими индивидами, входящими или входившими когда-либо в состав массы, одинок.

Ощущение связи с другими в идеале должно было бы обеспечивать массовому индивиду чувство безопасности, утверждать его в собственном могуществе. Именно поэтому массовый индивид, в терминологии Хосе Ортеги-и-Гассета, ощущает себя совершенным. Или, по крайней мере, должен ощущать. В действительности же ничего этого не происходит.

Ранее социальная среда была более гомогенной, сообщества людей не ориентировались на такое число различий, а сами эти различия не были столь значимыми. В современном мире для отличения одной группы от другой, одной субкультуры от другой важное значение приобретают детали. Появляется множество социальных признаков, которые оказываются максимально значимыми в социальной дифференциации.

А это означает, что процесс социальной дифференциации оказывается диалектическим. С одной стороны, различие общностей в рамках социальной структуры становится всё более и более тонким, с другой — само существование такого тонкого различия определяется выделением предельно общего основания социальной структуры, которое обуславливает саму возможность существования массового сознания.

Внутренняя противоречивость процесса социальной дифференциации, таким образом, состоит в том, что, с одной стороны, различий между группами становится всё больше и больше, а с другой — эти различия

оказываются всё более и более тонкими. Это определяет существование некоторой общей душевной основы, характерной для всех без исключения групп, как минимум в рамках одной культуры.

И этой основой становятся потребности массового человека. Последовательность такова: на первом этапе все массовые индивиды действительно различны, но их желания и стремления ориентированы в одном направлении. Затем эти желания формируют повторяющееся поведение. И уже на основе восприятия этого поведения мы получаем гомогенную группу — массу в чистом смысле этого слова.

Такая структура процесса социальной дифференциации приводит к тому, что даже весьма небольшие различия становятся определяющими для того, чтобы люди объединялись в меньшие или большие группы. Отличие этой социальной дифференциации состоит в том, что зачастую её основание оказывается мнимым. Традиционно основанием для принадлежности человека к тому или иному слою общества выступал целый набор социальных характеристик. Человек определялся как принадлежащий той или иной группе по целому комплексу свойств и качеств — начиная с происхождения, продолжая родом занятий и заканчивая следованием или не-следованием тем или иным нормам группы. На данный момент для утверждения принадлежности к группе человеку иногда достаточно обладать всего одним качеством, часто ситуативным.

Тем не менее человек сохраняет потребность в связи с другими. Принадлежность к группе всё ещё значима для него, несмотря на то, что она, на самом деле, имеет в основании часто ничтожное социальное отличие.

Ясно, что отдельные групповые характеристики призваны подчеркнуть отличия общности, её обособленность от других и обеспечить индивиду, включённому в неё, чувство защищённости. На деле положение вещей часто оказывается обратным. Чувство ассоциации с другими более не обеспечивает массовому человеку никакой психологической выгоды.

Происходит это по ряду причин. Наиболее существенная из них кроется в особом мировосприятии массового индивида, который, на самом деле, изолирован от других в той мере, в которой схож с ними.

Принадлежность к массе могла бы оказаться решающей, если бы масса в социальной структуре расценивалась и воспринималась как исключительная. Иначе говоря, чувство общности ценно постольку, поскольку противостоит диссоциированности, распределённой в социальном пространстве.

Рассмотрим то, как массовый индивид воспринимает социальную действительность. Она для него представлена парой категорий. С одной стороны, для него есть те, кто включён в массу. Они такие же, как и сам воспринимающий, он не видит существенных различий между собой и ими, и, соответственно, массовый человек не может получить необходимых ощущений в социальном взаимодействии. Благодаря всей тождественности и привязанности индивидов друг к другу массовый человек не видит в другом ничего, кроме собственного отражения.

Соответственно, он утрачивает одну из сторон своей жизни — ощущение от социального взаимодействия. Социальные отношения с себе подобными для массового индивида больше не являются источником сильных эмоций потому, что источником любого эмоционального переживания служит некоторый разрыв между действительностью и представлением о ней, а масса этого разрыва обеспечить не способна.

Это приводит к поиску массовым индивидом эмоциональных переживаний вовне группы. Каждый в массе склоняется именно к такому выходу из положения, что и обеспечивает сильные эмоциональные реакции группы в целом. Принадлежность к группе — одно из основных элементов как индивидуального, так и массового сознания. Человеку важно чувствовать, что он не один, что его мнение разделяют, его поступки принимаются, а сам он — одобряем бесспорно и полностью. И такое ощущение обеспечивается только если он включён в массу.

Именно так и происходит атомизация общества. Каждый человек не ощущает связанности с другими. Все индивиды сходны друг с другом, но каждый из них максимально одинок. Сама атомизация в действительности является обратной стороной процесса образования масс. Подтвердить это можно, рассуждая следующим образом.

Во-первых, напомним, что положение о всеобщей связи индивидов в массе разделяется всеми учёными, говорившими или писавшими о стихийных больших социальных группах. Если угодно, то всеобщая связь представляет собой сущность массы, её непреходящую характеристику. Собственно, существование этой связи и делает массу таковой: «Самые несходные между собой по своему уму люди могут обладать одинаковыми страстями, инстинктами и чувствами... В коллективной душе... разнородное утопает в однородном и берут верх бессознательные качества» [9, с.135].

Люди переживают это единство. Более того, ряд исследователей (например, Г.ЛеБон) фактически сводили массу к данному переживанию — вспомним «закон духовного единства толпы».

Таким образом, в массе все индивиды, во-первых, связаны друг с другом, во-вторых, похожи друг на друга до степени единства: «Исчезновение сознательной личности и ориентирование чувств и мыслей в известном направлении — главные черты, характеризующие толпу, вступившую на путь организации...» [9, с.132].

Финальный пункт нашего рассуждения предусматривает включение массы в социальный контекст и интерпретацию массового поведения в рамках целостного процесса социальной динамики. Вспомним, что традиционно масса противопоставляется другому элементу социальной структуры — иногда, как, например, в

текстах Ортеги-и-Гассета, его называют элитой, иногда используются и другие названия. Суть дела в том, что масса в социальном процессе непременно противопоставляется какому-то другому равнозначному элементу.

Мы никогда не имеем дела с массой как таковой. Мы имеем дело либо с дихотомией «масса — элита», либо с двумя разнородными массами, либо с противопоставлением массового и не-массового поведения. В целом можно говорить о том, что ещё одной существенно значимой характеристикой массы является её противопоставление определённым элементам социальной структуры.

Противоречие потребностей массового человека и социальных ограничений, устанавливаемых элитой, приводит к образованию специфического поведения массового субъекта. Иначе говоря, многообразие индивидуальных проявлений диалектически соотносится с проявлениями массового сознания. Осознание общности придаёт энергию, создаёт мотивацию, а характеристики каждой личности и доминирующие социальные ограничения определяют, каким образом данная мотивация будет реализована.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аравина Т.И. Феномен толпы в исследовательских ракурсах социальной психологии/Т.И. Аравина// Психологический журнал. -1999. - Т. 20. - №3.
2. Блумер Г. Коллективное поведение.
3. Бранский В.П. Социальная синергетика как современная философия истории/В.П. Бранский // Общественные науки и современность. - 1999. - №6.
4. Вундт В. Проблемы психологии народов/В. Вунд // Преступная толпа. - М, 2002.
5. Диалектика социального познания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 126 с.
6. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология/Г.Г. Дилигенский. - М.: Наука, 1994.
7. Канетти Э. Человек нашего столетия: Воспоминания. Масса и власть. Совесть литературы/Э. Канетти. - М.: Прогресс, 1990.
8. Кун Т. Структура научных революций/ Т. Кун. - М.,1977.
9. ЛеБон Г. Психология толп/Г. ЛеБон. – М.: Наука, 1997.
10. Левин К. Теория поля в социальных науках/К. Левин. – СПб.: Сенсор, 2000.
11. Лиотар Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании/Ж.-Ф. Лиотар// Философия эпохи постмодерна/Ж.-Ф. Лиотар; под ред. А.Усмановой. - Минск, 1996. - С.138 – 158.
12. Лукач Д. К онтологии общественного бытия/Д. Лукач. - М., 1991.
13. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. - СПб., 1994.
14. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество/Н. Луман// Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. - М., 1998.
15. Митина О.В. Синергетическая модель динамики политического сознания/О.В. Митина, В.П. Петренко// Синергетика и психология. Тексты. Выпуск 1. Методологические вопросы / Ред. И.Н.Трофимова, В.Г.Буданов. - М.,1999.
16. Московичи С. Век толп/ С. Московичи. – М.: Наука, 1998.
17. Московичи С. Машина, творящая богов/ С. Московичи. – М.: Наука, 1998.
18. Одайник В. Психология политики/В. Одайник. - М.: Ювента, 1996.
19. Очерки социальной философии. - М.: Наука, 1994.
20. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия?/Х. Ортега-и-Гассет. - М., 1991.
21. Сигеле С. Преступная толпа/С. Сигеле. – М.: Институт психологии РАН, КСП+, 1998.
22. Соболева Н.И. Социальная мифология: социокультурный аспект/Н.И. Соболева // Социс. – 1998. - № 6.
23. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология/Т.Г. Стефаненко. – М.: Институт психологии РАН, 2000.
24. Тард Г. Мнение и толпа/Г. Тард// Психология толп. – М.: Наука, 1997.
25. Тард Г. Социальная логика/Г. Тард. – М.: Социально-психологический центр, 1996.
26. Тоффлер Э. Метаморфозы власти/Э. Тоффлер. - М.: АСТ, 2003.
27. Тоффлер Э. Шок будущего/Э. Тоффлер. - М.: АСТ, 2003.
28. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности/Э. Фромм. – М.: АСТ-ЛТД, 1998.
29. Фромм Э. Бегство от свободы/Э. Фромм. – М.: АСТ-ЛТД, 1998.
30. Фромм Э. Иметь или быть? /Э. Фромм. – Киев: Ника-центр, 1998.
31. Фромм Э. Революция надежды/Э. Фромм. – СПб.: Речь, 2001.
32. Чуринов Н.М. Совершенство и свобода/Н.М. Чуринов. – Новосибирск: изд-во СО РАН, 2006.
33. Элиас Н. О процессе цивилизации/Н. Элиас. Т. 1–2. - М.: СПб., 2001.
34. Элиас Н. Придворное общество/Н. Элиас. - М., 2001.
35. Элиас Н. Общество индивидов/Н. Элиас. - М., 2001.
36. Юнг К. Об архетипах коллективного бессознательного/К. Юнг// К.Г. Юнг. Архетип и символ. - М., 1991.
37. Group dynamics: research & theory, Harper & Row, 1961.
38. Hurdin R., One for all: the logic of group conflict, Princeton University press, 1995.